

Фан Ляочжи понял, чего от него хотят, и закрыл глаза.

— Открой глаза.

Как только Цзю-эр расстегнул императорский халат и склонил голову, Жун Цзюэ отдал приказ.

Фан Ляочжи стал невольным свидетелем того, как Цзю-эр начал усердно служить.

Жун Цзюэ выражал явное удовольствие, издавая тихие стоны, но его взгляд был прикован к Фан Ляочжи.

Тот, кто раньше в резиденции принца был своевольником, отличался большой ревностью. Стоило ему увидеть на улице какого-то учёного, показавшегося ему благородным, и бездумно похвалить, как этот человек дулся несколько дней. Приходилось извиняться снова и снова, но не удавалось его успокоить.

— У того учёного есть благородство, а я всего лишь грубый воин.

— Нет, я просто так сказал, он не так красив, как ты.

— А красота что даст? У того благородство, как у орхидеи, как элегантно.

— У тебя благородство лучше...

— Ты врёшь, ты на него засмотрелся, через несколько дней, чего доброго, приведёшь его в резиденцию. Я уж лучше сейчас место освобожду, — говорил тот, собираясь паковать вещи.

— Ци Нин, не дури.

— Сейчас в столице полно учёных, сдающих экзамены. Сегодня тебе этот понравился, завтра тот. Меня скоро в тень заткнут.

— Чего ты хочешь?

— Поезжай со мной за город погулять, вернёмся после экзаменов.

— Отец-император велел мне следить за экзаменами, искать выдающихся людей на службу. Ты хочешь, чтобы я пошёл против воли отца? Он будет очень недоволен, если узнает.

— Хорошо. Тогда наблюдай за экзаменами, а я уйду.

В итоге он всё же уступил и увёз Ци Нина за город, вернувшись только после экзаменов. К тому времени Жун Мян уже подобрал несколько способных людей, а он сам стал недостойным принцем, бросившим дела ради мужеслана.

Вспоминая это, Жун Цзюэ холодно усмехнулся. Тогда детская несдержанность Ци Нина казалась ему проявлением любви, но теперь он понимал: это был сплошной заговор и спектакль. А он тогда был так слепо влюблён... Это смешно и жалко.

В груди клокотала злость, и досталось Цзю-эру. Тот ещё усердно служил, когда его грубо перевернули, и, не успев подготовиться, жестоко вошли внутрь. Цзю-эр терпел страшную боль, но не смел издать звука, думая, что гнев хозяина вызван Фан Ляочжи, и в сердце прибавилось злобы на него.

Жун Цзюэ сжал волосы Цзю-эра, продолжая движения, но глаза по-прежнему сверлили Фан Ляочжи. Тот вынужденно наблюдал эту картину, грудь его тяжело вздымалась.

Пытка на этот раз длилась особенно долго, словно целью было не только утоление похоти, а демонстрация силы перед этим человеком. Цзю-эра несколько раз чуть не отбрасывало, но его возвращали и снова яростно врывались в него. Цзю-эр терпел-терпел, но всё же от боли пролил слезы. Плакать во время благосклонности — во дворце тяжкое табу.

— Раб виноват.

Наконец когда хозяин закончил, Цзю-эр вытер слёзы и сразу же повернулся, чтобы просить прощения.

Жун Цзюэ не обратил на него внимания, взгляд так и не оторвал от Фан Ляочжи.

— Ты ничего не скажешь? — спросил он Фан Ляочжи.

— Ваше Величество, вы могучи и неестественны, обычный человек не может этого выдержать, прошу, пощадите его, — Фан Ляочжи заступился за Цзю-эра.

Жун Цзюэ от этой просьбы разозлился ещё сильнее и ударил Цзю-эра. Тот отлетел на пару шагов, но тут же пополз обратно и встал на колени.

Фан Ляочжи вздохнул, понимая, что слова бессильны и лишь разжигают гнев Жун Цзюэ, делая участь Цзю-эра ещё хуже.

— «Смотреть, как я ласкаю другого, и правда совсем не ревнует?» — хотел спросить Жун Цзюэ, но не мог выговорить. Вся боль и ярость вылились на Цзю-эра: пнул его, и тот отлетел на несколько шагов.

Цзю-эр впервые видел хозяина в таком ярости, душа ушла в пятки, он бился головой о пол, умоляя о пощаде.

— Ваше Величество, он ни в чём не виноват, — не выдержал Фан Ляочжи, видя избиение.

Ни в чём не виноват... Какие смешные слова. Жун Цзюэ усмехнулся в душе. Разве он сам не был невиновен? Им играли, как хотели, он отдал сердце и душу, даже отказался от трона. Воспоминания каждый раз высмеивали его.

— А ты? — резко спросил Жун Цзюэ.

— Если Ваше Величество ненавидит меня, вымещайте на мне. Я всё выдержу, — Фан Ляочжи закрыл глаза, словно готовый принять любую муку.

— Смешно. Зачем мне тебя ненавидеть? Ты не стоишь моей ненависти.

— Не знаю. Если Ваше Величество меня не ненавидит, значит, вряд ли любит, — Фан Ляочжи приоткрыл глаза, и снова на лице появилось то самое нахальство.

Только сейчас Цзю-эр начал понимать, что он просто козёл отпущения.

Жун Цзюэ приблизился к Фан Ляочжи.

— Зачем пришёл?

Фан Ляочжи серьёзно посмотрел в глаза Жун Цзюэ.

— Я люблю Ваше Величество. С первого взгляда.

Цзю-эр застыл от признания.

Жун Цзюэ на мгновение опешил, а потом расхохотался.

— Отлично «с первого взгляда». Ты, раб, слишком дерзок.

— Я люблю тебя, с первого взгляда, — впервые он признался Ци Нину.

— Ваше Высочество, я тоже люблю тебя, — отвечал Ци Нин.

Он был вне себя от счастья и прильнул губами к его.

В первый раз он подготовился как следует. Но Ци Нин неожиданно перевернул его, придавив к себе, и прошептал на ухо:

— Слышал, в прошлой династии правитель Вэнь так любил своего слугу, что согласился стать женой.

Он онемел.

— Хочешь, чтобы я так же?

Ци Нин снова перевернулся и поцеловал его в ухо.

— Я так сказал, мне тебя больше жаль.

Ци Нин, ах, Ци Нин... крепко держал его в руках. Раньше он был ветрен, но с тех пор принадлежал только одному.

Отец решил женить его на дочери генерала Су И, и весь двор понял: император явно прочит его в наследники. Жун Цзюэ не хотел этого, но не мог игнорировать волю отца и матери. Он думал, как уговорить этого деспота, но вернувшись в резиденцию, обнаружил, что Ци Нин исчез.

Он обезумел от тревоги, сразу сел на коня и помчался искать. Три дня и три ночи объездил все их места, но не нашёл. Потерявший рассудок, он примчался в резиденцию пятого брата.

— Пятый брат, позови Ци Юаня.

Жун Мянэ увидел его черные круги под глазами.

— Седьмой брат, что стряслось? Вчера мать звала тебя во дворец, хотела представить мисс Су, но посланные в твою резиденцию никого не нашли.

Он потянул Жун Мянэ за собой.

— Спроси у Ци Юаня, где его сын.

— Ци Нин сбежал? — в голосе Жун Мянэ вспыхнул гнев. — Этот раб посмел сбежать? Похоже, жить ему не хочется.

Вскоре привели Ци Юаня, он не успел даже встать на колени, как Жун Цзюэ схватил его за руку.

— Позови сына ко мне. Обсудим потом.

Жун Мянью усмехнулся, видя волнение брата.

— Ци Юань, Ци Нин был подарен мною седьмому принцу. Если он сейчас сбежал, значит, плевал на меня и на седьмого принца. Если сегодня не вернётся, знаешь, что бывает в моём доме.

Ци Юань пал на колени, каялся и ругал сына за непочтительность. Жун Цзюэ был лишь в тревоге и спросил Жун Мянью:

— Пятый брат, поможет ли это?

Жун Мянью, видя его состояние, похлопал по плечу.

— Брат обязательно найдёт его, не переживай.

Не успело стемнеть, как Жун Мянью привёл Ци Юаня в резиденцию Жун Цзюэ, Ци Нин плёлся сзади, опустив голову.

— Уже отчитал, — улыбнулся Жун Мянью, глядя на прибежавшего Жун Цзюэ. Ци Юань потянул сына на колени. — Виноват, плохого воспитал, прошу Ваше Высочество наказать.

Жун Цзюэ увидел Ци Нина, гнев утих наполовину. Он поклонился Жун Мянью.

— Спасибо, пятый брат.

— Из-за такой мелочи? Да ладно. Только порядок в доме наведи надо, слуги бегают что попало, если не наказать строго, ничего не будет.

Жун Цзюэ согласился, но думал:

«Лишь бы вернулся».

Брат ушёл с Ци Юанем, Жун Цзюэ поднял Ци Нина.

— Ушёл, не сказав ни слова, знаешь, как я переживал?

— Ты жениться собираешься, мне что, ждать, пока меня прогонят? — Ци Нин поднял голову, лицо было обижено.

— Я... этот брак важен, я не могу отказать, — занервничал Жун Цзюэ.

Ци Нин заплакал.

— Будет жена, меня всё равно прогонят, лучше отпусти меня сейчас.

Этот наглец умеет плакать? Жун Цзюэ стало больно.

— Не так говори, я обещаю...

Его прервали поцелуем.

— Чем обещаешь? Я знаю, она дочь знаменитого генерала, если захочет прогнать, ты не остановишь. Ты на ней женишься, чтобы породниться с Су и взойти на...

— Замолчи! — прикрикнул Жун Цзюэ. — Нельзя говорить этого.

Ци Нин замолчал и отвернулся, в глазах упрямство.

<http://bllate.org/book/16817/1564639>